Рашит Янгиров

Пражский круг Евгения Замятина

Окончание.
Начало в "РМ" №4154.

Гржебин, выпустивший в свет замятинский сборник "Островитяне" в июне 1922 года и переиздавший его в апреле следующего года, дабы устранить возможный гнев своих коммерческих контрагентов в Москве и Петрограде, исключил этот рассказ из своих изданий.

Таким образом, сотрудничество писателя в "Современных записках" свелось лишь к одной, и вовсе не самой желанной для издателей публикации. Тем не менее они были весьма довольны ею. Это подтверждает еще одно письмо к Постникову из Парижа, завершающее замятинский сюжет в журнале:

"Дорогой Сергей Порфирьевич, спасибо за заботы о журнале. Рассказ Замятина чудесный, и мы его приняли со всеми условиями, т<ак> ч<то>: 1) пойдет в ближайшей книжке; 2) заплатим 350 фр<анков> с листа; 3) укажем о согласии издательства Гржебина. Посылаю сейчас рассказ Гуковскому для печатания. Шлю сердечный привет и жму руку. Ваш И.Фондаминский" (письмо от 17 августа 1922. — Там же, ед. хр. 39, л.2).

Эпизод с несостоявшейся парижской публикацией романа "Мы" требует еще одного примечания. Нам неизвестны какие-либо иные авторские указания, отменяющие замятинское предложение 1922 года о заграничном издании романа или хотя бы корректирующие его, что дало бы основания считать пражскую публикацию "Мы" несанкционированной акцией. Несмотря на перемену общей ситуации в стране и новые биографические обстоятельства, внутренних побудительных причин отказаться от публикации у Замятина, по-видимому, не возникало еще и потому, что появление романа на страницах "Воли России" проходило при ближайшем участии его конфидента Постникова. Более того, если в 1922 году автору и его предполагаемым издателям была очевидна лишь политическая актуальность этого сочинения ввиду приближения московского судебного процесса над партией социалистов-революционеров, то пять лет спустя, в канун десятилетнего юбилея большевистского переворота, художественная прозорливость писателя, чьи литературные химеры обрели плоть и кровь в советской действительности, стала очевидной.

Бумаги из архива Постникова раскрывают подоплеку еще одного, весьма значимого для писателя эпизода и не оставляют сомнений в том, кто же в действительности инициировал приезд Замятиных в Прагу в декабре 1931 года, вскоре после их отъезда из СССР. Конечно же, это был Постников, редакция "Воля России" и близкие к ним кружки эмигрантов. Но поездке предшествовали специальные меры, камуфлировавшие ее истинных организаторов для того, чтобы обезопасить писателя, еще не вполне определившегося в планах возвращения на родину (выезд за границу был разрешен ему на год), от нежелательных политических инвектив в сотрудничестве с "белоэмигрантами" и обеспечить относительно нейтральный статус приглашающей стороны, которой был избран чешский литературный клуб "Умелецка беседа". Такие меры предосторожности были нелишними, если вспомнить о раздраженной реакции советской прессы на пребывание писателя в Праге.

Очевидно, сразу же после получения запросов пражских друзей о приезде Замятиных в Берлин владелец издательства "Петрополис" Абрам Каган сообщил Постникову условия их приезда в столицу Чехословакии:

"Многоуважаемый Сергей Порфирьевич, с благодарностью подтверждаю получение Ваших писем. Евгений Иванович Замятин сейчас действительно находится в Берлине и отсюда едет на юг Франции и далее в Америку. Он особыми средствами не располагает, а потому, несмотря на все свое желание побывать в Праге, он не может воспользоваться Вашим любезным приглашением. Но если Вы пришлете ему бесплатную визу и деньги на дорогу в оба конца, то он с удовольствием приедет. На всякий случай визу следует прислать и для его жены (Людмилы Николаевны). Все это можно проделать через нас, то есть визу и деньги можете выслать по нашему адресу. <...> Если Вы найдете возможным прислать Замятину деньги на дорогу, то надо сделать это без особой огласки. Вы отлично понимаете, почему. К нам приезжает много писателей и пролетарских, и непролетарских из России, но Замятин представляет блестящее исключение: он не потерял присущей ему храбрости и гордости, как и десять лет тому назад.

С искренним уважением и приветом А.Каган" (письмо от 1 декабря 1931. — Там же, ед. хр. 50, л.1).

Обстоятельства этой поездки известны еще не во всех подробностях и требуют изучения чешских литературных архивов. Но архив Постникова демонстрирует одно: теплые воспоминания о днях, проведенных в Праге, и о людях, их там окружавших, сохранились у Замятиных надолго. Свидетельств тому в их письмах немало.

Из письма Л.Н.Замятиной (27 января 1932): *"Скучаю еще больше по России, чем в Праге. Но это естественно — ведь в Праге были близкие люди, вроде единственных и замечательных Постниковых, было много русской речи, русского гостеприимства"*.

19 сентября того же года Замятин писал в Прагу:

"Дорогие друзья — "он" (сиречь я) жив и в настоящий момент в полном благорастворении воздухов сидит во французском садике виллы, в двух шагах от ихнего французского моря и с большим удовольствием после французских и английских писем принимается за русские. Но как далеко уже кажутся эта зима, Прага, столько нафаршировалось в эти послепражские месяца всяких людей, встреч, дел, беготни... От Парижа осталось впечатление какой-то непролазной усталости и спешки — еще и посейчас снится иной раз метро. А результаты от всей этой возни — пустяковые. Больше фейерверков, чем франков <...>".

Прага. Староместская площадь.

В канун нового 1933 года, сполна ощутив реалии эмигрантского быта, писатель сделал весьма редкое для него признание:

"Милые друзья, спасибо за письмо. Это не слова, а по-настоящему. Легче жить, когда знаешь, что где-то, хоть и за тридевять земель, есть хорошие люди, которые думают о тебе по-хорошему. Я хоть и слыву "крепким" человеком, а ей-Богу иной раз и мне случается снять с себя все одеяния и остаться голым — и тогда одному, среди камней, кажется довольно прохладно на белом свете...

Не стоит, впрочем, распространяться на эти не праздничные темы. Сидел и писал эти дни сценарий для одной франц<узской> фирмы (для неосуществленного фильма "Стенька Разин". — ***Прим. публ.***) — *вместо того, чтобы продолжать свой роман, писал отплевываясь. В результате — какая-то слякоть на душе, вроде парижской зимы, и с этой слякотью, знаю, не выложить на бумаге сейчас все то, что хотелось бы сказать Вам. Ну, да Вы и так почувствуете. Спасибо — и все.*

Если очень приспичит, деньги в долг возьму, но пока никаких приглашений по этому поводу не получал. Да и пока дела не так уж плохи: пьем-едим, за квартиру платим, в метро ездим. А что там дальше будет — увидим — загадывать на месяц или на два вперед — от этого мы уж отучились. <...> В Париже живем как-то на отшибе, поблизости знакомых почти нет, тащиться в метро часто неохота, поэтому мало с кем встречаюсь".

Последнее замятинское письмо Постникову датировано 24 мая 1936 года. Интонации его отмечены усталостью и печалью, словно писатель уже предчувствовал скорый уход из жизни. Но завершалось оно все же его надеждой на возвращение в Прагу — когда-нибудь, в лучшие дни:

«"Лети мое письмо — взвивайся, Никому в руки не давайся", —

помните, как писали у нас в солдатских письмах? Тут это выйдет как раз кстати: только мое, похоже, полетит с оказией на авионе, прямо — "в собственные руки".

Сегодня — первый по-настоящему весенний день, тепло и солнечно. Повеселей и на душе, хотя так, как будто, веселиться особенно нечему. Есть люди, которые радуются, что в России — колбасы, чины и ордена, а меня воротит от одного слова "орденоносный". Среди уважаемых писателей — все то же подхалимство. Срам: дождались до того, что "Правда" публично порет их за излишнее усердие! <...> Но эта порка — хороший знак: не вырастут ли и там из рабов — люди? Тогда и мне можно будет работать там (если не будет поздно). А пока сижу здесь, хотя Париж уже осточертел мне. Все то же: какие-то кинематографические работы, которые мешают мне писать свое, настоящее. Но для того, чтобы писать свое — нужны деньги, а чтобы достать денег — приходится возвращаться все к тому же кинематографу. А иначе — клади зубы на полку. Сейчас — как раз стою около этой самой полки: большая часть зимы работа над романом (тот же мой "Аттилла"), написана первая часть, но в результате, понятно, казна пуста. Опять — кинематограф... <...> Обнимаю Вас... Как только разбогатеем — приедем в Прагу. Ваш Евг. Зам<ятин>».

Москва

Статья основана на материалах публикации, подготовленной для очередного выпуска журнала "Russian Studies" (СПб, 1996, v.2, No.2). Публикуется с любезного разрешения редакции журнала.